

ПАМИРСКИЕ НАРОДЫ, ИХ ЯЗЫКИ И ПЕРЕПИСЬ: ЭТНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Ключевые слова: памирские народы, Памир, Таджикистан, перепись, идентичность, родной язык

В высокогорных долинах Памира Республики Таджикистан (РТ) проживают памирские народы. Они сохранили древние восточноиранские языки и самобытную культуру. Сегодня памирцев в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан насчитывается свыше 150 тыс. человек. В статье дается анализ положения памирских народов, отраженный в советских и постсоветских переписях населения, и их взгляды на будущее.

DOI: 10.31857/S086954150001482-0

Памирские народы — бартангцы с локальной группой рошорвцев (орошорцев), горонцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы с локальной группой хуфцев, шугнанцы с локальной группой баджувцев и язгулямцы живут в Горно-Бадахшанской автономной области¹ Республики Таджикистан. Вопрос этнической принадлежности памирских народов, к сожалению, почти всегда из поля научных рассуждений переходит в поле политическое. Этническую принадлежность памирских народов необходимо рассматривать как явление многоуровневое, требующее научного анализа. Заметим, что чаще всего острую дискуссию между учеными и чиновниками разного уровня вызывает именно факт многоуровневости самосознания людей. Многие ученые выступают за то, что человек — например во время переписи — при обозначении своей этничности может сообщить больше одного определения. Точно так же у него может быть больше одного родного языка. Хотя следует отметить, что не все соглашаются с мнением о двух родных языках. Вот что об этом пишет лингвист Х.Д. Шамбезода — шугнанец по происхождению: «Нами в корне отрицается возможность существования более одного родного языка, так как, во-первых, это недостаточно оправдано, во-вторых, возможность существования второго “родного” языка обычно влечет за собой вывод о безболезненности замены этнического языка, что мы частично имеем в ситуации с памирскими языками» (Шамбезода 2007: 344). Если родной язык считать материнским языком, то, по словам В.Г. Костомарова, у человека не может быть двух материнских языков (Костомаров 1991: 11). Однако, на наш взгляд, в ситуации, когда дети рождаются в смешанных браках, у них может быть два родных языка. Именно такого мнения придерживается Ю.В. Рождественский. Он считает, что “у детей в семьях со смешанным по национальному происхождению составом может быть два и более родных языка” (Рождественский 2002: 40). “Призна-

Тохир Сафарбекович Каландаров | <http://orcid.org/0000-0001-8454-1784> | tohir_s70@mail.ru | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32-а, Москва, 119991, Россия)

ние права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками”, — пишет В.А. Тишков (Тишков 2016: 302).

В настоящей статье анализируются материалы советских и постсоветских переписей населения применительно к памирским народам, рассматриваются дебаты вокруг памирцев во время этих переписей. Несмотря на то, что не одно поколение российских, советских и таджикистанских исследователей изучало проблему этничности (в том числе в свете разных переписей), в отношении памирских народов в этом вопросе существуют явные пробелы. Например, исследователями была упущена дискуссия относительно памирских народов во время переписей 1926 и 1937 гг. в журнале “Революция и национальности”, который выходил с 1930 по 1937 г. и активно занимался проблемами нациестроительства в СССР. Новые материалы, связанные с памирцами, дала и перепись 2010 г. в России. Автор статьи на основе своего многолетнего общения, интервью с представителями памирских народов, анкет и личных наблюдений рассматривает вопросы языковой и этнической идентичностей этих народов².

Есть народ, нет народа или о представленности памирских народов в переписях

В переписных листах 1926 г. — первой всесоюзной переписи населения, где упоминались памирские народы, — существовала графа “народность” и “родной язык”. В перечне народов во время переписи 1926 г. значились шугнанцы, ишкашимцы, язгулямцы, но ни один человек так себя не назвал (Народность 1928: IV), однако в списке были ваханцы, и при этом 6 человек называли себя ваханцами (Там же: 4). Почему так произошло, сегодня ответить сложно, несмотря на то, что термин “народность” в анкете 1926 г. (в переводе на таджикский язык *халқият*) был хорошо известен местному населению. Например, поэт Мулло Лочин (1860—1920), который писал на шугнанском и таджикском языках, в своих поэтических произведениях неоднократно использовал слово “шугнанец” как этноним и “шугнанский” как язык. При этом в 1920-е годы в равнинной части Таджикской АССР применительно к памирским народам использовали термин *галча*³ и, по справедливому замечанию И.И. Зарубина, он был “очень удобным, но совершенно условным термином” (Зарубин 1925: 6).

Во время этой переписи своим родным языком указали ваханский язык 6 человек, шугнанский язык — 6 человек, рушанский язык — 9 человек, язгулямский язык — 1019 человек (Там же: 24, 26). Как видим, из всех памирских народов только язгулямцы (практически все) указали язгулямский язык в качестве родного. По словам того же И.И. Зарубина, в 1925 г. в Язгуляме были примерно 200 домов (Зарубин 1925: 5).

Во время подготовки к всесоюзной переписи 1937 г. Б.М. Гранде в статье “Материалы для уточнения списка народов СССР”, опубликованной в журнале “Революция и национальности”, приводит приложение “Список народов СССР”, в котором так же, как в списке 1926 г., присутствуют шугнанцы, ваханцы, ишкашимцы, язгулямцы (Гранде 1935: 86). Через год он в том же журнале помещает обновленный “Список народностей СССР”, уже с указанием их численности. В этом списке Б.М. Гранде объединил шугнанцев и рушанцев в одну народность — шугнано-рушанцы, и, по данным 1931 г., оценил их численность примерно в 23 000 человек. Под номером 17 указаны шугнано-рушанцы; под номером 17а — ваханцы численностью около 4500 человек; под номером 17б — язгулямцы численностью около 2000 чело-

век; под номером 17в — ишकाшимцы численностью около 500 человек (*Гранде* 1936: 76). Население всей ГБАО в 1926 г. составляло 28 583 человека (*Поляков* и др. 1990: 18), а во время переписи 1937 г. — 40 945 человек (*Жиромская* и др. 1996: 41). Позже Л. Красовский в том же журнале “Революция и национальности”, обсуждая тему списка народов СССР, написал:

Надо иметь в виду, что небольшие народности иногда при публикации исчезают. Так, в 1926 году одна из памирских народностей ваханцы, которых по всему Союзу было зарегистрировано всего шесть человек, была присоединена к таджикам. Но, конечно, этим вовсе не отрицалось право ваханцев на существование в качестве отдельной народности. Здесь признавая свое бессилие, приходилось лишь следовать за регистраторами переписи, не сумевшими отличить ваханцев, как и большинство остальных “горных таджиков”, от собственно таджиков. Регистраторам не оставалось ничего другого, как только отнести этих ваханцев туда же, куда попала и где потонула подавляющая масса остальных ваханцев — к таджикам” (*Красовский* 1936: 69).

В восьмом номере вышеназванного журнала за 1936 г. была опубликована статья Н.Т. Тюракулова⁴ “Список народностей СССР”, в которой он отмечал:

Возьмем случай с ваханцами. Одно из двух: 1) в 1926 году регистраторы в силу тех или иных причин исказили действительность и зарегистрировали всего шесть ваханцев. В этом случае надо определить языковые, культурно-бытовые и экономические связи ваханцев с таджиками, выявить действительную численность ваханцев и дать им соответствующую позицию в списке. 2) Регистраторы правильно определили численность ваханцев. Ваханский язык представляет собой не диалект, а самостоятельный язык. В этом случае можно смело отнести их к ближайшему им крупному национальному окружению, ибо ясно, что 6 человек никак не смогут образовать самостоятельный национальный коллектив (*Тюракулов* 1936: 72–73).

Итак, согласно переписи 1926 г., в СССР насчитывалось 194 этнических общности, а вот во время переписи 1937 г. в словаре национальностей — 109 национальностей. Кроме того, была добавлена графа “прочие”, в которой были указаны еще 65 наименований, и среди них перечислялись памирские народы. Во время переписи 1939 г. предварительный список национальностей включал в себя 57 наименований и 58-й пункт, который был обозначен как “прочие” (*Жиромская* и др. 1996: 25). Памирские народы были включены под общим названием “таджики”. При этом в литературе отмечалось, что в ходе данной переписи представители памирских народностей не причисляли себя к таджикам (*Lewis* 1972: 24).

Обращает на себя внимание резкое уменьшение количества национальностей в СССР. Возможно, это связано со следующим обстоятельством: выступая с докладом “О проекте Конституции Союза ССР” на VIII Всесоюзном съезде Советов (25 ноября 1936 г.), И.В. Сталин говорил о том, что “в Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей” (*Сталин* 1952: 551). Видимо, составители предварительного словаря национальностей СССР учли горький опыт своих предшественников, которые, вопреки словам вождя, указали 109 национальностей⁵. По словам М.Н. Губогло, «сокращение общего числа национальностей “облегчило” задачу по резкому сужению арены действия национальной политики, сокращению государственных вложений и развитие культуры национальных групп и национальных меньшинств» (*Губогло* 1989: 29; 1998: 695).

Парадокс состоит в том, что памирские народы в списках народов СССР перед всесоюзными переписями практически всегда числились, но в то же время указывалось их “основное название национальности, к которому относятся самоназвания”.

К примеру, во время переписи 1959 г. все памирские народы в списках присутствовали, однако, если они во время переписи называли себя представителями того или иного народа, то это считалось локальным самоназванием, и их автоматически причисляли к таджикской нации (Словари 1959). Такая ситуация сохранилась и во время переписей 1970, 1979 и 1989 гг. (Словари 1969; 1978; 1988).

В переписях, проведенных после 1991 г., в условиях уже независимого Таджикистана, памирские народы по-прежнему остаются включенными в состав таджиков. Согласно последней переписи населения в РТ в 2010 г., в Таджикистане проживают такие национальности⁶, как барлосы, конграты, катаганы, семизы и юзы, но нет памирских народов, причем семизов в республике было всего 47 человек (Национальный состав 2012: 11). При этом все они знают язык своей национальности (Там же: 16). Возникает вопрос: какой язык у них родной и какой они национальности? Согласно этой логике, если их национальность — семизы, значит, и язык семизский?

В преамбуле Конституции РТ написано, что “Таджикистан — это Родина всех таджикистанцев”, однако в дискурсе о национальной политике слово “таджикистанец” практически не используется, как, впрочем, и в других республиках Средней Азии не используется слово “узбекистанец”, “туркменистанец” и т.д. Вместе с этим в РТ, возможно с согласия властей, идет процесс “раздробления” узбекского этноса. Вероятно, в этом контексте можно объяснить появление новых тюркоязычных этнических групп в результате переписи населения 2010 г. в РТ.

Французский исследователь Оливье Феррандо объясняет, как появились новые этнические группы в “Словаре национальностей и языков” перед переписью 2010 г. В ноябре 2006 г. он брал интервью у начальника отдела переписи населения Госкомстата РТ и, по словам его интервьюируемого, они (т.е. чиновники из Госкомстата РТ) этот словарь национальностей отправили в Академию наук РТ для рассмотрения и получения необходимых комментариев. В Академии наук в список, который охватывал 128 наименований, добавили еще 9 малых народов «без какой-либо алфавитной или этнографической логики. Данные “малые этнические группы” были просто присоединены к концу предыдущего варианта списка в следующем составе: минги, дурмены, лакайцы, конграты, катаганы, юзы, барлосы, семизы и кесамири» (Olivier 2008: 495). Еще во время подготовки переписи в РТ исследователи С.И. Олимова и М.А. Олимов писали:

При подробной регистрации тюркоязычных групп РТ, перепись 2000 года обошла молчанием памирские народы... Здесь очевидно стремление разработчиков инструментария переписи не менять сложившуюся ситуацию с идентификацией памирских народов, сохранив методику прежних советских переписей... Сейчас, накануне проведения переписи 2010, в ряде случаев трудно, как и 10 лет назад, объяснить, по какой причине те или иные группы попали или не попали в предварительный список (Олимова, Олимов 2011: 438).

Между тем в переписных листах под седьмым вопросом указан родной язык опрашиваемого и, судя по результатам, никто из представителей памирских народов даже не заявлял о своем родном языке. Опосредованно можно предположить, что, согласно этим же данным Агентства по статистике РТ, перепись выявила 6 373 834 таджиков, из которых 6 357 071 человек считали таджикский язык своим родным языком, 3182 человека считали родным русский язык, а 13 581 человек своим родным языком считали язык другой национальности. Может быть, носителей памирских языков следует искать среди этих 13 581 человек?

В отличие от Таджикистана, в РФ во время переписи 2010 г. в предварительном списке народов РФ появилась обобщающая категория “памирцы”, и В.А. Тишков появление

этого термина объясняет тем, что «в России этнокультурная ситуация такова, что представители бадахшанских народов склонны именовать себя собирательным термином “памирцы”» (Тишков 2011: 26). В итоге 363 человека, находящиеся в России, определили себя общим названием “памирцы” (Итоги 2012: 16). Здесь следует отметить, что в Таджикистане именно равнинные таджики первыми стали употреблять слово “памирец” в значении этнонима памироязычных народов.

Правы исследователи, которые пишут, что “низовые (семейные) языковые политики оказываются решающими в деле сохранения и межпоколенной передачи языков иммиграции...” (Соколовский, Филиппова 2017: 7).

Следует признать, что памирские народы на своей исторической родине, в современном Таджикистане, не имеют возможности официально зафиксировать свои этносы и родные языки. При этом в России, как видим, существуют более благоприятные условия для их самовыражения.

Таким образом, в истории переписи советского и постсоветского периодов относительно памирских народов не всегда присутствовала бюрократическая лояльность. Пройдя через многие трудности, памирские народы сохранили свою идентичность и с надеждой смотрят на свое будущее.

Несмотря на то что памирские народы не выделены в отдельную группу ни в одной постсоветской переписи РТ, тем не менее на обывательском уровне население равнинного Таджикистана признает существование памирцев как отдельной этнокультурной общности со своим религиозным самосознанием и древними языками.

Памирские языки: богатство или бремя?

Летом 2015 г. председатель Комитета по языку и терминологии при Правительстве РТ сообщил на пресс-конференции о том, что в связи с угрозой исчезновения памирских языков создается рабочая группа по их изучению (Комитет по языку 2015). Складывается парадоксальная ситуация: во время переписи 2010 г. никто не заявил о себе как носителе данных языков, но правительство республики думает об их спасении! Важно напомнить, что, по данным всесоюзной переписи 1989 г., свыше 101 тыс. человек в качестве родного языка называли один из памирских языков (см.: Моногарова 2001: 47). Отметим также, что в Законе о государственном языке Республики Таджикистан от 5 октября 2009 г. № 553 в статье 4 сказано: “Республика Таджикистан создает условия для свободного применения, защиты и развития бадахшанских (памирских) языков и ягнобского языка” (Закон 2009: 4). Как справедливо отмечает В.А. Тишков: “Языковые вопросы традиционно присутствуют в переписях многих государств, ибо на основе этих данных определяется язык (или языки) бюрократии, на котором она должна общаться с налогоплательщиками, разрабатывается информационно-образовательная политика, а также меры по поддержке тех или иных языков, если в этом есть необходимость” (Тишков 2007: 50). Конечно, граждане обязаны знать государственный язык, но, к примеру, если в каком-то кишлаке полицейский заходит в дом, а там только пятилетний ребенок, у которого родной язык отличается от государственного, скорее всего полицейский обязан говорить с ним на его родном языке.

Язык сам по себе является достоянием любого государства, тем более такие древние, но бесписьменные языки, как памирские, вдвойне нуждаются в опеке со стороны государства. Надо отметить, что в 30-е годы XX в. памирская интеллигенция (и не только она)⁷ пыталась создать алфавит для местных языков. В первую очередь начали создавать алфавит для шугнанского языка — наиболее распространённого на территории Памира, на котором сегодня говорит примерно 90 тыс. человек.

В эту трудную и, как оказалось впоследствии, опасную работу включился и молодой поэт Нодир Шамбезода (1908–1991)⁸ – шугнанец по происхождению. Шугнанский алфавит был создан на основе латинской графики. Один из первых учебников был выпущен в 1931 г., и любопытно, что он был предназначен в первую очередь для взрослых, так как в то время проходила кампания по ликвидации массовой безграмотности (ликбез). Авторами учебника были Н. Шамбезода, Мусрифшоев и Бандишоев⁹ (Букварь 1931). Также в этом году был выпущен букварь З. Шонаврузова на шугнанском языке (*Шонаврузов* 1931). В 1933 г. Б. Искандаров и С. Амдинов издали “Учебник родного языка для второго класса” (*Искандаров, Амдинов* 1933). В 1937 г. Шамбезода выпустил букварь шугнанского языка для первого года обучения (*Шамбезода* 1937). Помимо этого, были переведены на шугнанский язык несколько книг для чтения (*Фортулатова* 1937; *Карим* 1938). Однако тогда этот алфавит не нашел применения, поскольку власти обвинили его авторов в национализме. Но, несмотря на это, до конца 1937 г. было сделано очень многое в деле языкового строительства. Как справедливо отмечают В.М. Солнцев и В.Ю. Михальченко, “советский опыт языкового строительства в первые десятилетия Советской власти уникален. Он не имеет аналогов в языковой истории человечества... была создана письменность для 50 ранее бесписьменных языков, на них стала издаваться литература, было организовано обучение” (*Солнцев, Михальченко* 1990: 15). До 1937 г. на Памире, как пишут лингвисты А.Л. Грюнберг и И.М. Стеблин-Каменский, в школах использовалась нововведенная шугнанская письменность, однако в этом печально известном году она была отменена и ликвидирована. “Эта акция, — подчеркивают указанные исследователи, — была частью проводившейся при Сталине под флагом борьбы с местным национализмом... политики по искоренению национального своеобразия и разнообразия... В ходе этой кампании... деятели, ратовавшие за развитие письменности и культуры на родном языке, репрессированы” (*Грюнберг, Стеблин-Каменский* 1989: 37). Именно в 1937–1938 гг. Сталин начал вести беспощадную войну с приверженцами широкого распространения и внедрения национальных языков; начался период так называемой антикоренизации (см.: *Губогло, Сафин* 2000: 282–287). Один из авторов алфавита Н. Шамбезода чудом не подвергся физической расправе, хотя тюремного срока ему избежать не удалось. В 1937 г. поэт опубликовал книгу своих стихов на шугнанском языке под названием “Гулгунча” (Бутон) (об этой книге см.: *Охонниёзов* 1998: 5–18). Уже в 1939 г. в решении VI Пленума Горно-Бадахшанского обкома КП(б) Таджикистана (7–8 января 1939 г.) говорилось о том, что “тенденция к изданию учебников и преподаванию на шугнанском языке является вредной и становится тормозом для развития и процветания культуры таджиков Горного Бадахшана” (*Аламшоев* 2009: 180).

Возможно, поэтому в биографическом указателе советских писателей Таджикистана не нашлось места для Н. Шамбезоды (см.: *Советские писатели* 1949).

Сам же Н. Шамбезода, несмотря на то что был автором нескольких сборников стихов на таджикском языке, считал себя в первую очередь шугнаноязычным поэтом. Вот как об этом он сказал в одном из своих интервью:

Я начал писать стихи на шугнанском языке, а потом перешел на таджикский, но при этом не перестал сочинять на родном языке. На таджикском языке вышли многие мои стихи, и я известен среди любителей поэзии, на шугнанском же языке ничего не вышло, хотя я стремился к этому почти с 30-го года. Вскоре я убедился, что настоящий поэт я именно на родном шугнанском языке, ибо ту философию жизни, то мастерство, которые были в моей шугнанской поэзии, я очень редко замечал в своих таджикских сборниках. А это потому, что каждый человек (в этом я и убедился) никогда не сможет на чужом ему языке (как бы прекрасно он его ни знал) красиво

и выразительно высказать свою мысль так, как он это сможет сделать на родном языке (*Шорахматуллоев* 1990).

В этой же статье автор публикации А. Шорахматуллоев, известный поэт¹⁰, критикует интеллигенцию ГБАО за то, что она способна больше говорить, чем делать: “До каких пор это может продолжаться! Ведь у читателей уже сложилось такое впечатление, что эти каждодневные статьи пишутся не в пользу языков, не из-за любви к ним, а просто из-за гонорара... Надо же от слов когда-то перейти к делу” (Там же).

Иногда сам факт наличия памирских языков ставится под сомнение, и их преднамеренно считают диалектами. Такого рода суждения исходят не только от чиновников разного рода, а порою и из уст творческой интеллигенции. Примером может послужить обращение таджикских молодых литераторов к парламенту Таджикской ССР, которое было опубликовано в газете “Адабиёт ва санъат” (“Литература и искусство”) в 1990 г. В нем памирские языки были названы диалектами (Обращение 1990). Правда, авторы обращения не уточняют, диалектами какого языка они являются. Возможно, они имели в виду диалекты таджикского языка. Но тогда необходимо напомнить, что таджикский язык принадлежит к западной группе иранских языков, а памирские языки — к восточной, что заведомо исключает их диалектную принадлежность к таджикскому. Здесь мы опять видим, как культурно-языковые проблемы приобретают, используя термин известного российского социолога Л.М. Дробижевой, “политико-идеологическое звучание” (*Дробижева* 1989: 45). Как и водилось в те годы, партийные руководители любую борьбу против кого-то или чего-то начинали руками самих жертв. Так, 24 июня 1988 г. сразу в трех республиканских газетах на трех языках (таджикском, русском и узбекском) появилось открытое письмо ветеранов войны и труда из ГБАО. В нем ветераны однозначно выступали против публикации газет и журналов на памирских языках. По их мнению, нет “никакой необходимости создавать газеты и другие издания на памирских языках” (Открытое письмо 1988). Чтобы дать полную свободу действий компартии для борьбы с теми, кто стремился к возрождению памирских языков, ветераны закончили свое письмо просьбой к Центральному Комитету Компартии Таджикистана “поставить прочный заслон нездоровым суждениям среди научных работников и творческой интеллигенции всеми средствами политического и идеологического воздействия” (Там же). Печально, что многие из подписавших это письмо ветеранов прекрасно знали, как партия может политическими средствами воздействовать на провинившихся людей, но творческую и научную интеллигенцию спасло то, что это были годы горбачевской перестройки, а не сталинских репрессий.

Несмотря на такие возмущенные письма “с мест”, с октября 1990 г. начало выходить “Фарханги Бадахшон” (“Культура Бадахшана”) — ежемесячное литературно-художественное приложение к газете “Бадахшони Совети” (“Советский Бадахшан”). Данное приложение буквально с первого номера нашло живой отклик среди читателей. В нем печатали стихи, рассказы, сказки разных памирских народов на их языках. Чтобы купить свежий номер “Культуры Бадахшана” в газетных киосках Хорога или Душанбе, надо было отстоять очередь. Учитывая такую популярность, уже через год после основания в сентябре 1991 г. “Культура Бадахшана” стала самостоятельной газетой художественно-литературного направления. Но, к сожалению, начало гражданской войны в РТ стало концом публикации этой газеты.

Забота о сохранении своего родного языка, по сути, является естественной реакцией любого этноса, и прав российский этнолог С.В. Чешко: “Каждый этнос, подобно другим видам социальных общностей, вырабатывает собственные интересы, отражающие его потребности: потребность в воспроизводстве — воспроизводстве

биологическом и воспроизводстве своих сущностных характеристик (язык, культура, самосознание), потребность в развитии, потребность в защите от поглощения другими этносами и многие другие, производные от этих основных потребностей” (Чешко 1988: 70; об отстаивании этнокультурной самобытности памирских народов идет речь в другой статье данного автора: Чешко 1990: 123). Кстати, один из основателей Таджикской ССР, а ныне Герой Таджикистана Шириншо Шотемур¹¹ в личной анкете при поступлении в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина в 1927 г. своим родным языком называл шугнанский.

Важное значение для сохранения и изучения памирских языков и памирского фольклора имело создание в декабре 1967 г. на базе Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ сектора памирских языков. Главным вдохновителем и создателем сектора был профессор Д.К. Карамшоев (1932–2007). В 1974 г. сектор преобразовали в отдел памирских языков, где начали систематически изучать памирские языки и фольклор. Были опубликованы десятки научных монографий и сотни статей по истории и грамматике памирских языков, по фольклору памирских народов и т.д. (Подробнее об этом см.: Юсуфбеков, Офаридов 2013: 6–11). С 1991 г. после создания Института гуманитарных наук АН РТ в Хоруге, административном центре ГБАО, данный отдел вошел в состав нового института и успешно продолжает свою работу в настоящее время.

В постперестроечные времена в научных центрах Москвы и Душанбе исследователи вернулись к проблеме памирских языков. Так, 30–31 марта 1989 г. в Институте языкознания АН СССР проходило заседание “круглого стола”, посвященное изучению языков малочисленных народов СССР. На этом “круглом столе” выступили известные лингвисты – выходцы из ГБАО: Д.К. Карамшоев, Р.Х. Додыхудоев и П.Д. Джемшедов. В своих выступлениях все трое коснулись вопроса переписи 1989 г., где, как известно, памирские народы не учитывались. По мнению Д.К. Карамшоева, “следовало бы провести новую перепись для малочисленных народов. Необходимы также правовые гарантии автономии Горно-Бадахшанской автономной области, прежде всего, гарантировать право свободного функционирования памирских языков, для которых необходимо создание (восстановление) письменностей” (Колесник 1990:187). Р.Х. Додыхудоев, говоря о недостатках переписи 1989 г., отмечал, что «на основе заведомо неверных данных формируются принципиальные решения в области языковой политики, например, утверждается “ненужность” образования на памирских языках» (Там же: 187). П.Д. Джемшедов выступил за создание “условий для функционирования языков в сфере массовой коммуникации, газет, радио” (Там же: 188).

Также в конце 1980-х годов вопрос об этнической принадлежности памирских народов стал появляться на страницах главного научного этнологического журнала “Советская этнография”. Примером могут служить дискуссии на эту тему между “центральными” учеными С.В. Чешко (Чешко 1988а: 3–15; 1989: 23–28), И.М. Стеблин-Каменским, Л.А. Грюнбергом (Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989: 35–38), Л.Ф. Моногаровой (Моногарова 1989: 28–35) и “душанбинским” ученым А.С. Давыдовым (Давыдов 1989: 15–23). Например, С.В. Чешко связывал создание ГБАО с этническими особенностями памирских народов (Чешко 1988а: 5). Интересные выводы сделала Л.Ф. Моногарова. Она пишет:

...многовековой длительный процесс естественной ассимиляции памирцев таджиками идет на наших глазах. В ходе социалистического преобразования хозяйства и культуры припамирских народностей в процессе укрепления межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев (исмаилитов), так и у таджиков (суннитов) за годы Советской власти происходило более интенсивное сближение этих народов, что

особенно заметно проявилось в эволюции их этнонационального самосознания (*Моногорова* 1989: 33).

Она считает памирцев субэтносом таджиков (Там же). Автор в 1989 г. еще не предполагала, что всего через пару лет не будет единой Советской страны, и атеистическая идеология уступит место небывалому размаху религиозного возрождения на всей территории бывшего СССР.

Только в 1990-е годы на Памире вернулись к вопросу об алфавите для памирских языков. Правда, дальнейшего развития письменность на базе латинской графики не получила (*Эдельман, Юсуфбеков* 2000: 226). В 2000 г. Институт гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан подготовил и выпустил “Букварь памирских языков на основе таджикского алфавита и русской графики” (*Карамшоев* 2000). Ранее автор этого букваря Д. Карамшоев вместе со своим учеником М. Аламшоевым издал “Букварь шугнанского языка” (*Карамшоев, Аламшоев* 1996). В 2000 г. они совместно издали “Учебник шугнанского языка для 2–4 классов” (*Карамшоев, Аламшоев* 2000). Попытки создания алфавита для памирских языков предпринимались и в Москве. Так, в 2013 г. под руководством сотрудника сектора иранских языков Института языкознания РАН Б.Б. Лашкарбекова (1948–2014) был организован семинар, где помимо сотрудников сектора участвовали поэты и писатели — выходцы из ГБАО, которые пишут на памирских языках. На семинаре они выступили за создание алфавита для памирских языков на основе кириллицы (*Эдельман* 2016: 104).

Справедливости ради надо отметить, что последние годы в РТ появляются книги для детей на памирских языках. Практически во всех этих книгах используется таджикский алфавит с небольшими изменениями — использование диграфы, линейки над буквой и т.д. Примером таких книг для детей может послужить сказание “Рассказы Равшана” известного шугнано-таджикского поэта Ато Мирходжа на шугнанском языке (*Мирходжа* 2010). Многие для сохранения памирских языков делает неправительственная организация “Нур” с центром в сельском совете Поршинева в ГБАО. С 2013 г. по сегодняшний день она выпустила 18 детских книжек на памирских языках. При ее содействии был опубликован первый роман на шугнанском языке “Зиндаги аз нав ца сӣд сар” (“Если бы жизнь началась заново”) молодого писателя Худобахша Худобахшова (ПМА 2016: Миралибеков).

В октябре 2009 г. в Хороге вышел первый номер ежемесячной газеты “Лозар” (перевод с шугнанского: “Ледник”). Газета планировала публиковать стихи, рассказы, фольклорные произведения на памирских языках. Однако, к сожалению, вышли только 7 номеров газеты, так как, по словам главного редактора газеты — известного шугнано-таджикоязычного поэта Хушмада Алидодова, спонсорам газеты было “рекомендовано” прекратить свою помощь изданию (ПМА 2016: Миралибеков).

В 1972 г. прошла кампания по уничтожению книг на памирских языках в Государственной публичной библиотеке им. Фирдоуси в Душанбе. Это остается “черным пятном” в истории культурной жизни Таджикистана. Прав М.И. Исаев, который писал: “О пренебрежительном отношении к культурным запросам малочисленных народов говорит и такой факт, как уничтожение (т.е. в 1972 г.) чудом сохранившихся шугнанских книг. Ретивые деятели хотели выжечь из памяти страницы истории развития культуры памирских народов” (*Исаев* 1990: 98; ср.: *Додыхудоев* 1991: 6).

Пренебрежение к естественным потребностям людей в сохранении и развитии родного языка часто приводит к радикальным последствиям. Одной из причин принятия Декларации о преобразовании ГБАО в Автономную республику Бадахшан

(Памир) в составе Республики Таджикистан (10 апреля 1992 г.) была попытка сохранить памирские языки от исчезновения¹².

Сохранение памирских языков, которые находятся под угрозой исчезновения, является общественно значимым делом. Специалистами в этой области сформулированы и практические советы по сохранению таких языков (К примеру, см.: *Замятин* и др. 2012: 133–162), и они могли бы быть полезны и для сбережения и развития памирских языков. Тем более что, по справедливому замечанию С.А. Арутюнова, “каждый язык вне зависимости от уровня развития его носителей имеет потенциальную возможность развиваться в современный язык” (*Арутюнов* 2005: 160).

В преамбуле Конституционного закона Республики Таджикистан о Горно-Бадахшанской автономной области (подписан Президентом РТ 30 июля 2007 г.) сказано, что ГБАО наряду с другими ценностями географического и культурного характера обладает также “уникальными языковыми ценностями” (Конституционный закон 2007). Хочется верить, что носители этих языков передадут свое древнее языковое наследие будущим поколениям.

“Игры в этносы” или о ситуативности идентичностей

На рубеже XXI в. все меньше остается в мире государств, которые в качестве основы своего нациестроительства выбирают политику этноцентризма. Общегосударственная/национальная идентичность для многих стран становится твердым фундаментом в государственностроительном деле. Сегодня руководство Таджикистана делает многое для нациестроительства в республике. Солидарность и сопереживание для (по крайней мере, большинства) граждан Республики Таджикистан является одним из признаков национальной идентичности. Однако национальная идентичность не может возникнуть на основе чисто декларативных лозунгов. Можно с разных трибун под аплодисменты произносить десятки призывов о единстве нации, но если при этом страна не будет иметь сети автомобильных и железных дорог, авиасообщения с отдаленными уголками и т.д., то достичь национального единства невозможно. С этой позиции нынешняя власть Таджикистана для национальной идентичности делает больше, чем руководство советского Таджикистана 1970–1980-х годов. Каждый представитель памирских народов, когда-либо сталкивавшийся в те годы с поездкой из Душанбе в Хорог или, наоборот, из Хорога в Душанбе, знает о сложностях этой дороги. Каждый год почти в течение шести месяцев ГБАО не имела автомобильного сообщения со столицей Таджикской ССР. Отсутствие качественной инфраструктуры привело к тому, что жители ГБАО чувствовали себя оторванными и обособленными от жителей других частей республики. Теперь же Душанбе и Хорог соединены автомобильной дорогой круглый год. Автомобильные дороги не только выполняют экономические и административные функции внутри республики, но и решают задачу культурной трансляции между людьми разных ее регионов.

Интенсивное общение между народами разрушает недоверие среди них, люди лучше узнают друг друга, это им помогает быстрее находить общий язык и поддерживать отношения “на одной волне”. Для стабильного функционирования государства отнюдь не нужно, чтобы все этносы ассимилировались так называемым титульным этносом. Такая стратегия, в конце концов, приводит к этноцентризму и этнонарциссизму. Этноцентризм, в свою очередь, подталкивает представителей разных этносов к тому, чтобы начать “игры в этносы”. Другими словами, чтобы занять ту или иную позицию и должность, соискатели меняют в паспортах свою этническую принадлежность, к примеру, бывший узбек становится таджиком и т.п. Таким образом, фундаментальный меритократический принцип современных обществ уходит

на второй план. Конечно, с точки зрения карьерного роста этих людей можно понять, но насколько карьерист может стать патриотом своего отечества — это другой вопрос.

Мой научный руководитель по аспирантуре в Институте востоковедения РАН, академик АН РТ Б.А. Литвинский рассказывал мне о том, как он принял на работу в сектор археологии Института истории и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан молодого Хуршеда Мухитдинова: «Дело было в том, что на партсобрании меня как руководителя сектора археологии Душанбинского института истории критиковали за то, что я не готовлю местные кадры. Я и принял Хуршеда. Но на следующем собрании меня опять критикуют за то же самое. Я отвечаю, что принял на работу молодого парня Мухитдинова. Мне в ответ говорят: “Он не таджик, а узбек”. Я возвращаюсь в сектор, спрашиваю Хуршеда: “Хуршед, а Вы разве узбек?” Он отвечает: “Борис Анатольевич, а что, надо быть таджиком?” Я говорю, да. Через некоторое время Хуршед поменял свой паспорт, где он был уже таджиком по национальности».

* * *

В последние десятилетия ситуации, когда исследователи занимаются особенностями этнического или этнографического характера жителей того или иного региона внутри современных среднеазиатских республик, в нашем случае РТ, вызывают определенную нервозность со стороны местных “генералов идеологического фронта”. В лучшем случае, они рекомендуют своим коллегам по цеху не ссылаться на такие работы, а в худшем — могут повесить на автора ярлык сепаратиста. При этом “общетаджикские” темы не всегда отражают представление о единой общетаджикской культуре. Можно согласиться с мнением Л.А. Чвырь, которая пишет: “Совершенно очевидно, что внятно охарактеризовать так называемую общетаджикскую традиционную культуру не только затруднительно, но и в принципе невозможно, причем не только для самих таджиков, но и для любого отважившегося на это исследователя, поскольку и ему вряд ли удастся выделить хотя бы несколько неоспоримо неповторимых черт” (Чвырь 2001: 12).

Изучение отличительных черт в хозяйстве, культуре или самосознании жителей одного региона, в нашем случае Западного Памира, не обязательно означает поиск доказательства их отрыва от идеала “(обще)таджикскости”. Локальное, или региональное самосознание памирских народов не исключает их общетаджикского самосознания. Локальная, или региональная идентичность и связанное с ней понятие “малой родины” отнюдь не означает нелояльность и неспричастность к своей “большой родине”.

В первом пункте первой статьи Конституционного закона РТ о ГБАО сказано: “Горно-Бадахшанская автономная область является составной и неделимой частью Республики Таджикистан” (Конституционный закон 2007). Сегодня в ГБАО практически не найти человека, который бы оспорил это утверждение. Разные манипуляции относительно автономного статуса области имеют целью дестабилизацию обстановки в республике. В последнее время государственные СМИ РТ, особенно телевидение, стали “забывать” упомянуть автономный статус области. Вместо Горно-Бадахшанской автономной области иногда используют термин “Бадахшанская область”. Их “забывчивость” подтолкнула пользователей соцсетей Интернета к виртуальным боям между сторонниками и противниками областной автономии. Хочется надеяться, что СМИ Таджикистана впредь не будут “забывать” о конституционном статусе ГБАО, а виртуальные бои не станут реальными.

Примечания

¹ ГБАО была организована 2 января 1925 г. постановлением ЦИК СССР и вошла в состав Таджикской АССР. Административный центр области город Хорог. Население ГБАО на январь 2016 г. составило чуть больше 217 тыс. чел. (Численность 2016: 16).

² Важным фактором самоидентификации памирцев является исповедание ими исмаилизма — особого ответвления шиитского ислама. Объем статьи не позволяет уделить внимание этому значимому культурному маркеру. Об исмаилизме на Памире см.: *Бобринской* 1902; *Каландаров* 2006: 180—196; *Mastibekov* 2014.

³ О значении этого термина у исследователей нет единого мнения.

⁴ Тюракулов Назир Тюракулович (1892—1937) — советский партийный и государственный деятель, публицист, филолог.

⁵ Как известно, большая часть организаторов переписи 1937 г. была репрессирована.

⁶ Согласно методологическому пояснению для переписчиков, *национальность* — это термин, обозначающий принадлежность индивида к определённой этнической группе (см.: Национальный состав 2012: 5).

⁷ Например, в создании шугнанского алфавита участвовали шведский иранист Х. Шельд и русский врач и историк А. Дьяков.

⁸ Шамбезода Нодир (1908—1990) — поэт, основоположник литературы на шугнанском языке (см. подробнее о нем: *Охонийёзов* 2012).

⁹ Имена Мусрифшоева и Бандишоева выяснить не удалось.

¹⁰ Шорахматуллоев А.А. (1963—2002) — писал свои стихи под псевдонимом Лидуш Хабиб — известный шугнано-рушаноязычный поэт, журналист и бард.

¹¹ Шириншо Шотемур (1899—1937) — советский политический, партийный и государственный деятель, которого репрессировали в 1937 г. Похоронен в братской могиле в Москве. Указом Президента РТ от 27 июня 2006 года ему присуждено высшее звание Героя Таджикистана.

¹² Здесь мы не касаемся этой темы и отсылаем читателя к статье: *Худойёров* 2011: 78—81.

Источники и материалы

Букварь 1931 — Букварь для взрослых на шугнанском языке. Сталинабад: Таджикское гос. изд-во, 1931.

Гранде 1935 — *Гранде Б.[М]*. Материалы для уточнения списка народов СССР // Революция и национальности. 1935. № 4. С. 77—87.

Гранде 1936 — *Гранде Б.[М]*. Список народностей СССР // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 74—85.

Закон 2009 — Закон Республики Таджикистан о государственном языке Республики Таджикистан от 5 октября 2009 года.

Искандаров, Амдинов 1933 — *Искандаров Б.И., Амдинов С.* Учебник родного языка для второго класса. Сталинабад: Гос. изд-во Таджикистан, 1933.

Итоги 1959 — Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Таджикская ССР. М.: Госстатиздат, 1963.

Итоги 2010 — Итоги всероссийской переписи населения 2010 года в 11 томах. Т. 4. Кн. 1. М.: ИИШ “Статистика России”, 2012.

Карамшоев 2000 — *Карамшоев Д.* Букварь памирских языков. Хорог, 2000. (на тадж. и шугнан. яз.)

Карамшоев, Аламшоев 1996 — *Карамшоев Д., Аламшоев М.* Букварь шугнанского языка. Душанбе: Маориш, 1996. (на тадж. и шугнан. яз.)

Карамшоев, Аламшоев 2000 — *Карамшоев Д., Аламшоев М.* Учебник шугнанского языка для 2—4 классов. Хорог: Помир, 2000.

Карим 1938 — *Карим Х.* Книга для чтения. Первая часть. Сталинабад: Учебно-педагогическое изд-во Тадж. ССР, 1938.

Комитет по языку 2017 — Комитет по языку: “Спасем от исчезновения памирский и ягнобский языки” // Радио Озоди. 28.07.2015. <http://rus.ozodi.org/a/27156356.html>

Конституционный закон — Конституционный закон Республики Таджикистан о ГБАО // Бадахшон. 3 августа 2007 г. (на тадж. яз.)

- Красовский* 1936 — *Красовский Л.* Чем надо руководствоваться при составлении списка народностей СССР (в порядке обсуждения) // *Революция и национальности*. 1936. № 4. С. 67–71.
- Мирходжа* 2010 — *Мирходжа А.* Равшан киссаен (Рассказы Равшана). Душанбе: Адиб, 2010. (на шугнан. яз.)
- Народность 1928 — Народность и родной язык населения СССР. Издание ЦСУ СССР. М., 1928.
- Национальный состав 2004 — Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Кн. 1. Официальное издание. М.: ИИЦ “Статистика России”, 2004.
- Национальный состав 2012 — Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012.
- Обращение 1990 — Обращение к народным депутатам // *Адабиёт ва санъат* (Литература и искусство). 22 ноября 1990 г. (на тадж. яз.)
- Открытое письмо — Открытое письмо // *Коммунист Таджикистана*. 24 июня 1988 г.
- Охонниёзов* 1998 — *Охонниёзов В.Д.* Гордость шугнанской поэзии // *Шамбезода Н. Гулғунча* (Бутон). Хорог: “Помир”, 1998. С. 5–18. (на тадж. яз.)
- ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Экспедиции в город Хорог Республики Таджикистан, сентябрь 2016 г. (информанты: Ш. Миралибеков, 1970 г.р.; Х. Алидодов, 1978 г.р.).
- Словари 1959 — Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа (о национальности и родном языке). М.: Изд-во “Статистика”, 1959.
- Словари 1969 — Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Изд-во “Статистика”, 1969.
- Словари 1978 — Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Изд-во “Статистика”, 1978.
- Словари 1988 — Словари национальностей и языков для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Изд-во “Статистика”, 1988.
- Советские писатели 1949 — Советские писатели Таджикистана. Биографические справки. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949.
- Тюракулов* 1936 — *Тюракулов Н./Т/*. Список народностей СССР (в порядке обсуждения) // *Революция и национальности*. 1936. № 8. С. 72–74.
- Фортунатова* 1937 — *Фортунатова К.А.* Книга для чтения. Для начальной школы. Сталинабад: Учебно-педагогическое изд-во Тадж. ССР, 1937.
- Численность 2016 — Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2016 года. 25 лет Государственной независимости. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
- Шамбезода* 1937 — *Шамбезода Д.* Букварь для первого года обучения. Сталинабад: Учебно-педагогическое изд-во Тадж. ССР, 1937.
- Шонаврузов* 1931 — *Шонаврузов З.* Букварь для детей на шугнанском языке. Сталинабад: Гос. изд-во Таджикистан, 1931.
- Шорахматуллоев* 1990 — *Шорахматуллоев Л.* Нужны конкретные дела. Родной язык: дебаты и дискуссии // *Бадахшони Советӣ*. 9 августа 1990 г.

Научная литература

- Алаишоев М.* Историческое становление и перспективы сохранения памирских языков // *Endangered Languages and History* / Ed. H. Elnazarov, N. Ostler. Bath: Foundation for Endangered Languages, 2009. P. 177–182.
- Арутюнов С.А.* Этнические процессы и язык // *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 155–174.
- Бобринской А.А.* Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М., 1902.

- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Несколько замечаний по поводу отклика А.С. Давыдова на статью С.В. Чешко // Советская этнография. 1989. № 5. С. 35–38.
- Губогло М.Н. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 26–41.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.
- Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. М.: ЦИМО, 2000.
- Давыдов А.С. Необоснованно, зато... публицистично // Советская этнография. 1989. № 5. С. 15–23.
- Додьхудоёв Р.Х. Языковая политика и языковое строительство в Таджикистане // Русский язык в СССР. 1991. № 9. С. 5–7.
- Дробизева Л.М. О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // Советская этнография. 1989. № 1. С. 41–47.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом “секретно”: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
- Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: Kirjapaino Oy, 2012.
- Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925.
- Исаев М.И. Языки малочисленных народов СССР: Проблемы функционирования и сохранения // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны / Отв. ред. К.В. Бахмян. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. С. 85–100.
- Каландаров Т.С. Исмаилизм на Памире: поиск новых путей и решений // Расы и народы. Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 180–196.
- Колесник Н.Г. Языки малочисленных народов СССР: Состояние и перспективы (Материалы “круглого стола”, март 1989 г.) // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М.: ИНИОН, 1990. С. 178–194.
- Костомаров В.Г. Еще раз о понятии “родной язык” // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 9–15.
- Моногарова Л.Ф. Памирцы – народности или субэтноты таджиков? (ответ А.С. Давыдову) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 28–35.
- Моногарова Л.Ф. Ассимиляция и консолидация памирских народов // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV / Отв. ред. В.И. Бушков. М.: Наука, 2001. С. 47–55.
- Олимова С.И., Олимов М.А. Подготовка переписи населения 2010 в Таджикистане // Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 433–442.
- Охонниёзов В.Д. Нодир Шамбезда ва адабиёти муосири тоҷик (Нодир Шамбезда и современная таджикская литература). Душанбе: РТСУ, 2012. (на тадж. яз.)
- Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологическое исследование. 1990. № 6. С. 3–25.
- Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М.: Академкнига, 2002.
- Соколовский С.В., Филиппова Е.И. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / Отв. ред. Е.И. Филиппова. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 4–16.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Языковая ситуация в СССР // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. С. 14–31.
- Сталин И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952.
- Тишков В.А. Родной язык // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. С. 50–63.
- Тишков В.А. О всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков // Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 15–30.
- Тишков В.А. Языки нации // Вестник российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 291–303.
- Худоёров М.М. Проблема памирской автономии в Таджикистане на рубеже 1980–1990-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 46. С. 78–81.
- Чвырь Л.А. О структуре таджикского этноса (научная и народная точка зрения) // Расы и народы. Вып. 27. М.: Наука, 2001. С. 9–21.

- Чешко С.В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения // Советская этнография. 1988. № 4. С. 62–72.
- Чешко С.В. Время стирать “белые пятна” // Советская этнография. 1988а. № 6. С. 3–15.
- Чешко С.В. Не публицистично, но и не научно (ответ оппоненту) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 23–28.
- Чешко С.В. Средняя Азия и Казахстан: современное состояние и перспективы национального развития // Расы и народы. Вып. 20. М.: Наука, 1990. С. 106–127.
- Шамбезода Х.Д. Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении). Дис. ... док. фил. наук. Российско-таджикский (славянский) университет, Душанбе, 2007.
- Эдельман Д.И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык. Лингвистический журнал. 2016. № 2(5). С. 87–113.
- Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П. Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
- Юсуфбеков Ш., Офаридов Н. Вместо предисловия // Вопросы памироведения. Вып. 7. Душанбе, 2013. С. 6–11.
- Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union: Aspects of Language Policy and Its Implementation. Paris: Mouton, 1972.
- Olivier F. Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36 (3). P. 489–520.
- Mastibekov O. Leadership and Authority in Central Asia: The Ismaili Community in Tajikistan. L.: Routledge, 2014.

Research Article

Kalandarov, T.S. The Peoples of Pamir, Their Languages and the Census: The Ethnic Discourse [Pamirskie narody, ikh yazyki i perepis': etnicheskii diskurs]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 163–179. <https://doi.org/10.31857/S086954150001482-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tokhir Kalandarov | <http://orcid.org/0000-0001-8454-1784> | tohir_s70@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Pamiri peoples, Pamir, Tajikistan, census, identity, native language

Abstract

Pamiri peoples occupy the high mountainous valleys of Pamir in the Tajikistan Republic. They preserved ancient East-Iranian languages and their unique indigenous culture. Currently, the total population of Pamiri peoples in the Mountainous Badakhshan Autonomous District constitutes a number over 150 000. The article analyzes the status of Pamiri peoples as reflected in Soviet and post-Soviet censuses, as well as their views on the future.

DOI: 10.31857/S086954150001482-0

References

- Alamshoev, M. 2009. Istoricheskoe stanovlenie i perspektivy sokhraneniia pamirskikh yazykov [Historical Formation and Perspectives for the Preservation of the Pamiri Languages]. In *Endangered languages and History*, edited by H. Elnazarov and N. Ostler, 177–182. Bath: Foundation for Endangered Languages.
- Arutunov, S.A. 2005. Etnicheskie protsessy i yazyk [Ethnic Processes and Language]. In *Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs lektii i khrestomatiia* [Introduction to Ethnolinguistic: Lectures and Anthology], edited by A.S. Gerd, 155–174. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

- Bobrinskoi, A.A. 1902. Sekta Ismail'ia v russkikh i bukharskikh predelakh Srednei Azii. Geograficheskoe rasprostranenie i organizatsiia [The Ismaili Sect in Russian and Bukharan Central Asia]. Moscow.
- Cheshko, S.V. 1988. Natsional'nyi vopros v SSSR: sostoianie i perspektivy izucheniia [The National Issue in the USSR: Status and Research Perspectives]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 62–72.
- Cheshko, S.V. 1988. Vremia stirat' "belye piatna" [Time to Eliminate the "Blank Spots"]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 3–15.
- Cheshko, S.V. 1989. Ne publitsistichno, no i ne nauchno (otvet opponentu) [Neither Publicity, Nor Science (A Reply to my Opponent)]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 23–28.
- Cheshko, S.V. 1990. Sredniaia Aziia i Kazakhstan: sovremennoe sostoianie i perspektivy natsional'nogo razvitiia [Central Asia and Kazakhstan: The Contemporary State and Prospects for the National Development]. *Rasy i narody* 20: 106–127.
- Chyvr, L.A. 2001. O strukture tadjikskogo etnosa (nauchnaia i narodnaia tochka zreniia) [On the Structure of the Tajik Ethnos (Scientific and Popular Standpoints)]. *Rasy i narody* 27: 9–21.
- Davydov, A.S. 1989. Neobosnovanno, zato... publitsistichno [Groundless, Though Populistically Written]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 15–23.
- Dodykhudoev, R. Kh. 1991. Yazykovaia politika i yazykovoie stroitel'stvo v Tadjikistane [The Language Policy and Language Construction in Tajikistan]. *Russkii iazyk v SSSR* 9: 5–7.
- Drobizheva, L.M. 1989. O problemakh mezhnatsional'nykh otnoshenii i zadachakh etnosotsiologii v sovremennykh usloviakh [Interethnic Relations and Contemporary Tasks of Ethnic Sociology]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 41–47.
- Edelman, D.I. 2016. Nekotorye problemy minoritarnykh yazykov Pamira (k stanovleniiu pis'mennosti i literatury) [Some Problems of the Minority Languages of Pamir (on the Formation of Literature and Written Language)]. *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal* 2(5): 87–113.
- Edelman, D.I., and Sh.P. Yusufbekov. 2000. Shugnanskii yazyk [Shugnani language]. In *Yaziki mira: Iranskie yazyki. III. Vostochnoiranskie yazyki* [Languages of the World: Iranian Languages. III. Eastern Iranian Languages], edited by V.S. Rastorgueva, 225–242. Moscow: Indrik.
- Griunberg, A.L., and I.M. Steblin-Kamenskii. 1989. Neskol'ko zamechanii po povodu otklika A.S. Davydova na stat'iu S.V. Cheshko [Some Remarks about A.S. Davydov's Comment on S.V. Cheshko's Paper]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 35–38.
- Guboglo, M.N. 1989. Natsional'nye gruppy i men'shinstva v sisteme mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR [National Groups and Minorities in the System of Interethnic Relations in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 26–41.
- Guboglo, M.N. 1998. *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii* [Languages of Ethnic Mobilization]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".
- Guboglo, M.N., and F.G. Safin. 2000. *Prinuditel'nyi lingvitsizm. Sotsiolingvisticheskie ocherki ob etnopoliticheskoi situatsii v SSSR v 1920–1930-e gody* [Forced Linguicism: Sociolinguistic Essays on the Ethnopolitical Situation in the USSR in the 1920–1930s]. Moscow: TsIMO.
- Isaev, M.I. 1990. Yazyki malochislennykh narodov SSSR: problemy funktsionirovaniia i sokhraneniia [Languages of the Minority Peoples of the USSR: Problems of Functioning and Preservation]. In *Natsional'no-yazykovye problemy: SSSR i zarubezhnye strany* [National-Language Problems: USSR and Foreign Countries], edited by K.V. Bakhnyan, 85–100. Moscow: INION AN SSSR.
- Kalandarov, T.S. 2006. Ismailizm na Pamire: poisk novykh putei i reshenii [Ismailism in Pamir: Search of New Ways and Decisions]. *Rasy i narody* 32: 180–196.
- Khudoerov, M.M. 2011. Problema pamiirskoi avtonomii v Tadjikistane na rubezhe 1980–1990-kh godov [The Problem of Pamirian Autonomy in Tajikistan on the Eve of the 1980–1990s]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 46: 78–81.
- Kolesnik, N.G. 1990. Yazyki malochislennykh narodov SSSR: Sostoianie i perspektivy (Materialy "kruglogo stola", mart 1989 g.) [Languages of the Minority Peoples of the USSR: Status and Perspectives (Materials of the "Round-Table Discussion", March 1989)]. In *Natsional'no-yazykovye problemy: SSSR i zarubezhnye strany* [National-Language Problems: USSR and Foreign Countries], edited by K.V. Bakhnyan, 178–194. Moscow: INION AN SSSR.
- Kostomarov, V.G. 1991 Eshche raz o poniatii "rodnoi yazyk" [Once Again on the Notion of "Native Language"]. *Russkii iazyk v SSSR* 1: 9–15.
- Lewis, E. 1972. Multilingualism in the Soviet Union: Aspects of Language Policy and Its Implementation. Paris: Mouton.

- Mastibekov, O. Leadership and Authority in Central Asia: The Ismaili Community in Tajikistan. London: Routledge.
- Monogarova, L.F. 1989. Pamirtsy – narodnosti ili subetnosy tadjikov? (otvet A.S. Davydovu) [The Pamirians – Separate Peoples or Tadjik Groups? (a Response to A.S. Davydov)]. *Sovetskaiia etnografiia* 5: 28–35.
- Monogarova, L.F. 2001. Assimiliatsiia i konsolidatsiia pamirskikh narodov [Assimilation and Consolidation of Pamiri Peoples]. In *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik*. Vyp. IV [Central Asian Ethnographic Collection. Vol. IV], edited by V.I. Bushkov, 47–55. Moscow: Nauka.
- Okhonnietsov, V.D. 2012. *Nodir Shambezoda va adabietii muosiri tojik* [Nodir Shambezoda and Contemporary Tajik Literature]. Dushanbe: RTSU.
- Olimova, S.I., and M.A. Olimov. 2011. Podgotovka perepisi naseleniia 2010 v Tadjikistane [Preparation of the 2010 Census in Tajikistan]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia* [Ethnological Monitoring of the Census], edited by V.V. Stepanov, 433–442. Moscow: IEA RAN.
- Olivier, F. 2008. Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia // *Nationalities Papers* 36 (3): 489–520.
- Poliakov, Yu.A., V.B. Zhiromskaia, and I.N. Kiselev. 1990. Polveka molchaniia (Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 g.) [Half-Century of Silence (The All-Union Census of 1937.)]. *Sotsiologicheskoe issledovanie* 6: 3–25.
- Rozhdestvenskii, Yu.V. 2002. *Lektsii po obshchemu yazykoznaniu* [Lectures on General Linguistics]. Moscow: Akademkniga.
- Shambezoda, Kh.D. 2007. Funktsionirovanie bespis'mennogo yazyka maloi narodnosti v usloviakh politnicheskogo sotsiuma (na materiale shugnanskogo yazyka v tadjiksko-russkom okruzenii) [Functioning of the Nonliterate Language of a Minor Nation in the Conditions of the Polyethnic Society (Drawn on the Case of Shugnani Language in Tajik-Russian Environment)]. PhD diss., Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe.
- Sokolovskii, S.V., and E.I. Filippova. 2017. Yazykovoie mnogoobrazie i sotsial'noe soglasie: neprostoie ravnovesie [Language Diversity and Social Consent: A Complicated Balance]. In *Yazykovaia politika, konflikti i soglasie* [Language Policy, Conflicts and Consent], edited by E.I. Filippova, 4–16. Moscow: IEA RAN.
- Solntsev, V.M., and V. Yu. Mikhailchenko. 1990. Yazykovaia situatsiia v SSSR [Language Situation in the USSR]. In *Natsional'no-yazykovye problemy: SSSR i zarubezhnye strany* [National-Language Problems: USSR and Foreign Countries], edited by K.V. Bakhnyan, 14–31. Moscow: INION AN SSSR.
- Stalin, I. 1952. Voprosy leninizma. Izdanie odinnadsatoe [Issues of Leninism. Edition 11]. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi literatury.
- Tishkov, V.A. 2007. Rodnoi yazyk [Native Language]. In *Etnokul'turnyi oblik Rossii: perepis' 2002 goda* [Ethnocultural Image of Russia: The Census of 2002], edited by V.V. Stepanov and V.A. Tishkov, 50–63. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2011. O vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda: raz'iasneniia dlia retrogradov i natsionalistov i preduprezhdeniia dlia chinovnikov i politikov [On the All-Russian Census of 2010: Clarifications for Retrogrades and Nationalists and Warnings for the Officials and Politicians]. In *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia* [Ethnological Monitoring of the Census], edited by V.V. Stepanov, 15–30. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 2016. Yazyki natsii [Languages of the Nation]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 86 (4): 291–303.
- Yusufbekov, Sh., and N. Ofaridaev. 2013. Vmesto Predisloviia [In Lieu of a Preface]. In *Voprosy pamirovedeniia* 7: 6–11.
- Zamiatin, K., A. Pasanen, and I. Saarikivi. 2012. *Kak i zachem sokhraniat' yazyki narodov Rossii?* [How and Why to Preserve the Languages of the Peoples of Russia?]. Helsinki: Kirjapaino Oy.
- Zarubin, I.I. 1925. Spisok narodnostei Turkestanskogo kraia [The List of Nations of the Turkestan Area]. Leningrad.
- Zhiromskaia, V.B., I.N. Kiselev, and Yu.A. Poliakov. 1996. *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda*. [A Half-Century under the "Classified" Tag: The All-Union Census of 1937]. Moscow: Nauka.